

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ

СОКРАЩЕННЫЙ И ИСПРАВЛЕННЫЙ ПО СТАТЬЯМЪ НОВѢЙШИХЪ
ЛЖЕ-РЕАЛИСТОВЪ

ТЕМНЫМЪ ЧЕЛОВѢКОМЪ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 5 РИСУНКОВЪ

РАБОТЫ ХУДОЖНИКА

А. И. ЛЕБЕДЕВА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ.

1866.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 ноября 1865 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Мой дядя, какъ Кирсановъ Павелъ,
Когда не въ шутку занемогъ,
То натирать себя заставилъ
Духами съ головы до ногъ.
Въ послѣдній разъ, на смертномъ ложѣ,
Хотѣлъ придать онъ нѣжность кожѣ
И—приказалъ намъ долго жить.
Я могъ наслѣдство получить:
Оставилъ домъ онъ въ триэтажа;
Но у него нашлись враги

И домъ былъ проданъ за долги,
А такъ какъ „собственность—есть кража“.
(Какъ гдѣ-то высказалъ Прудонъ),
Я радъ, что дома былъ лишенъ.

II.

Такъ думалъ въ Сѣверной Пальмирѣ
Читавшій множество наукъ,
Пришлецъ изъ западной Сибири,
Семинариста старшій внукъ.
Друзья мои! безъ проволочки
Хочу сейчасъ-же съ первой строчки,
Съ героемъ повѣсти моей
Васъ познакомить поскорѣй.
Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Былъ по Базарову скроенъ:
Какъ тотъ, лягушекъ рѣзалъ онъ,
Какъ тотъ, искуства порицатель,
Какъ тотъ, поэтовъ не цѣнилъ
И съ аппетитомъ ѣлъ и пилъ.

III.

Онъ не толкался въ модномъ свѣтѣ,
Прочелъ заглавья многихъ книгъ,

Не размышлялъ о туалетѣ
И никогда волосъ не стригъ.
Умѣлъ онъ, въ спорѣ, ядовито
Воскликнуть вслухъ: „вотъ дураки-то!“
Умѣлъ врага отдѣлать въ пухъ:
„Шекспиръ вашъ—тоже, что лопухъ“!
Онъ былъ по всюду на готовѣ
Свалить любой авторитетъ,
Хотя-бъ его цѣнилъ весь свѣтъ,
И скоро критикъ въ „Русскомъ Словѣ“
Съ большою смѣлостью рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

IV.

Онъ отрицалъ искусство яро,
Пугалъ угрюмымъ взглядомъ дамъ,
Ему гаванская сигара
Дороже всѣхъ высокихъ драмъ.
Все отвергая на свободѣ,
Читалъ онъ Фогта въ переводѣ
И Благосвѣтлова труды;
Онъ къ Миллю скрыть не могъ вражды
И съ публицистомъ Соколовымъ
Согласенъ былъ пріятель нашъ,

Что Милль — невѣжда и торгашъ,
И, вслѣдъ за Зайцевымъ суровымъ,
Произносилъ, что негръ есть скотъ,
Едва-ли стоющій заботъ.

V.

Бывало, онъ еще въ постелѣ,
Чтобъ дать себя кухаркѣ знать
Начнетъ предъ нею, не безъ цѣли,
Авторитеты разрушать,
Бранить Волтера и Бэкона,
Корнеля, Гете и Мильтона
И, булкой набивая ротъ,
Цикорный кофе жадно пьетъ.
Какъ врагъ шатанья и прогулокъ,
Не тратилъ онъ напрасно силъ
И лишь статьи свои носилъ
Порой въ Дмитровскій переулокъ
Въ одну редакцію и хмуръ
Былъ отъ помарокъ корректуръ.

VI.

Но за обѣдъ пора садиться.
Куда же мчится онъ, куда?

Бывало онъ еще въ постели,
Чтобъ дать себя кухаркѣ знать,
Начнетъ предъ нею не безъ цѣли
Авторитеты разрушать.

Морозной пылью серебрится
Его густая борода.
Бѣжитъ къ кухмистеру Евгеній
И тамъ, безъ дальнихъ объясненій,
Велитъ къ столу себѣ подать
Обѣдъ копѣекъ въ тридцать пять;
Свершаетъ трапезу онъ живо,
Пересмотрѣвши пукъ газетъ,
И заливаетъ жиръ котлетъ
Бутылкой кроновскаго пива,
Ворча, что губитъ россіянъ
Зловредный этотъ кукельванъ.

VII.

Кулисъ почетнымъ гражданиномъ
Онѣгинъ не былъ, издавна
Браня театръ по всѣмъ гостинымъ,
Мѣшалъ онъ съ Нильскимъ Бурдина.
Трактуя часто, какъ медвѣдей,
Творцовъ классическихъ комедій,
Онъ могъ кричатъ въ театрѣ: „bis!“
Лишь для хорошенкихъ актрисъ.
Онъ заходилъ, минуты на три
Билетъ имѣя даровой,

Взглянуть, съ поникшей головой,
Какъ драму новую въ театрѣ
Давалъ знакомый драматургъ
(А ими полонъ Петербургъ).

VIII.

Театръ ужъ полонъ. Свѣчи таютъ,
Стучатъ въ партерѣ каблуки,
Въ райкѣ неистово зѣваютъ,
Бьютъ у подъѣзда рысаки.
Вотъ потянулось представленье
И началась, съ того мгновенья,
Съ дремотой въ публикѣ борьба.
Давалась драма „*Не Судьба.*"
Хлопочутъ бѣдные актеры,
Стараясь автору помочь,
И, сонъ желая превозмочь,
Ведутъ по ложамъ разговоры
Купцы съ Апраксина двора
И шепчутъ женамъ: спать пора!...

IX.

Театръ весь спитъ. Онѣгинъ входитъ,
Идетъ межъ ногъ въ девятый рядъ,

Глазами публику обводитъ,
Откинувъ волосы назадъ.
На силу выслушавъ полъ-акта,
На ложу авторскую какъ-то
Онъ покосился, молвивъ: „вздоръ!"
И, чрезъ пустынный корридоръ,
Шаги направилъ онъ къ буфету,
Гдѣ съѣлъ съ икрою буттербродъ,
Потомъ зѣвнулъ во весь свой ротъ,
Махнулъ рукой на драму эту
И, пледомъ закрывая грудь,
Онѣгинъ вновь пустился въ путь.

X.

Изображу ль въ картинѣ яркой
Уединенный кабинетъ
Съ огромной печью, очень жаркой,
Гдѣ жилъ Онѣгинъ пять-шесть лѣтъ,
Въ сосѣдствѣ съ шведкою старушкой?
Окно безъ сторъ, часы съ кукушкой,
Диванъ клеенчатый въ углу,
Да стулъ, приставленный къ столу,
Гдѣ, на листѣ отъ старыхъ лекцій,
Лежалъ креоновскій табакъ...

Виситъ на ширмахъ старый фракъ,
Скелетовъ нѣсколько коллекцій
И пара голыхъ череповъ
Глядятъ въ тѣни межъ двухъ шкаповъ.

XI.

Рядъ книгъ на полкахъ небѣленыхъ,
Клочки бумаги, стертый грошъ...
Чуть видны въ рамкахъ запыленныхъ
Жанъ-Жакъ Руссо и Ригольбошъ.
Бутыль чернилъ, бутылка рома,
Портфель и Шлоссера два тома,
Сигары въ пачкѣ, микроскопъ
И безъ стекла стереоскопъ;
Два неразрѣзанныхъ журнала
И неоконченный разсказъ,
Гдѣ нѣсколько начальныхъ фразъ
Перо героя замарало,
Но женскихъ ножекъ и головъ
Тамъ не чертилъ онъ вмѣсто словъ.

XII.

О, муза! ты была бы рада
Начать иначе свой обзоръ:

„Янтарь на трубкахъ Цареграда,
Хрусталь и бронза и фарфоръ“
И все, что любятъ въ модномъ свѣтѣ —
Наставитъ въ этомъ кабинетѣ;
Но твой герой, увы, не фатъ
И будуарный ароматъ
Изъ кабинета гналъ онъ строго
И высшій свѣтъ онъ презиралъ,
Хоть въ высшемъ свѣтѣ не бывалъ.
Но, такъ какъ фо́сфору въ немъ много,
То онъ, друзья, заочно могъ
Быть къ свѣтскимъ людямъ очень строгъ.

XIII.

Не воспѣвалъ онъ дамскихъ ножекъ,
Для женщинъ жизни не терялъ,
Анатомическій свой ножикъ
Онъ въ чувство каждое вонзалъ,
Бѣсилъ артистовъ до азарта,
Браня Россини и Моцарта,
И поражать любилъ народъ
Сказавъ, что Пушкинъ — идіотъ.
Съ любой красавицей при встрѣчѣ
Вопросъ о бракахъ поднималъ

Иль, какъ Базаровъ, восклицалъ:
„У васъ отличнѣйшія плечи!“
И рѣчь сводилъ на геморрой...
Онъ въ новомъ родѣ былъ герой.

XIV.

Среди бездѣльныхъ похожденій,
Уже томился скукой онъ,
Но вдругъ, въ одно изъ воскресеній,
Съ письмомъ явился почтальонъ.
Къ нему писалъ пріятель Ленскій:
Затишье жизни деревенской
Ему описывалъ тепло
И звалъ его въ свое село.
Онѣгинъ думаетъ: „Поѣду!
Пусть Ленскій — глупъ, пусть онъ поэтъ, —
Но до того мнѣ дѣла нѣтъ,
За то онъ къ каждому обѣду
Подастъ отличное вино!
И такъ, поѣду! Рѣшено...“

XV.

О, ты, прелестная Татьяна!
Уже ль тебя несчастье ждетъ?

Но забѣгать еще мнѣ рано
Съ моимъ Онѣгинымъ впередъ.
Пока онъ въ шумномъ Петроградѣ
Сбираетъ платье и тетради
И наполняетъ кошелекъ —
Мы отдохнемъ на краткій срокъ,
Потомъ рядъ новыхъ приключеній
Включитъ дальнѣйшій мой разсказъ;
Я опишу въ стихахъ для васъ
„Деревню, гдѣ скучалъ Евгеній",
Какъ жилъ, что дѣлалъ онъ въ степи....
О, мой читатель, потерпи!..

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Деревню, гдѣ скучалъ Евгеній,
Хотѣлъ я было описать,
Но скука — праздныхъ фатовъ геній —
Его не смѣла посѣщать.
Ставъ поселенцемъ деревенскимъ,
Онъ цѣлый день возился съ Ленскимъ,
Стыдилъ лѣниваго пѣвца
За жажду брачнаго вѣнца,
Читалъ отрывки изъ Дарвина,
Сводилъ открытьямъ алфавитъ

И елисеевскій лафитъ
Лилъ изъ хрустальнаго графина,
А Ленскій слушалъ и слагалъ
Для милой Ольги мадригалъ.

II.

Про органическую клѣтку
Онѣгинъ другу говорилъ,
А Ленскій Ларину сосѣдку
Ему въ отвѣтъ превозносилъ.
Одинъ — хвалилъ умно и жарко
Труды Лапласа и Ламарка,
Труды Пуше, Мюссе, Жоли
Въ академической пыли, —
Другой, поднявшись до разсвѣта,
Головки, ножки рисовалъ
И, вмѣсто дѣла, отвѣчалъ
Стихами Майкова и Фета.
Онѣгинъ прикусилъ языкъ
И сбросилъ въ печку полку книгъ,

III.

Творенья Байрона, Шекспира
И много доблестныхъ славянъ,

Которыхъ сѣверная лира
Вводила юношей въ обманъ.
Поступкомъ новаго Омара
(Я ужъ сказалъ: ему сигара
Была дороже, чѣмъ Мильтонъ)
Былъ Ленскій очень возмущенъ.
Не поскупясь на монологи,
Съ нимъ говорилъ онъ битый часъ,
Потомъ свой сельскій тарантасъ
Велѣлъ готовить для дороги
И, сбросивъ пестрый свой халатъ,
Облекся въ праздничный нарядъ.

IV.

—„Куда ты?"—„Къ Ларинымъ"—„Такъ скоро!
Съ тобой мы были тамъ вчера"...
—„Мой другъ, теперь мнѣ не до спора:
Я Ольгой званъ еще съ утра.
А что ты скажешь о Татьянѣ?
Предупредить спѣшу заранѣ:
Въ тебя, мнѣ кажется, она
Къ несчастью очень влюблена.
Я наблюдалъ за ней немножко:
Вчера чертила на стеклѣ

Она твой вензель: *О* и *Е*,
Склонясь головкой у окошка.
О ней какого мнѣнья ты?“
— Я врагъ унылой красоты

V.

„И этихъ барышень слезливыхъ,
Влюбленныхъ въ звѣзды и луну,
Всегда пугливыхъ, молчаливыхъ...
На нихъ взгляну я — и зѣвну.
Онѣ живутъ весь вѣкъ безъ цѣли
И, подъ подушкою постели,
Романы пошлые хранятъ,
А въ нашемъ обществѣ молчатъ,
Да угощаютъ сладкимъ чаемъ,
Да упражняются въ любви,
Танцуя съ нами vis-a-vis.
Хоть мы любви отъ нихъ не чаемъ...
Все жъ поклонись имъ, не забудь“.
„Пока, прощай!“— „Счастливый путь“.

VI.

Межъ тѣмъ, дѣйствительно, въ Татьянѣ
Проснулась страсть. Теперь она

Лепечетъ ночью старой нянѣ:
— „Я... знаешь, няня... влюблена...“
— „Усни, родная, Бога ради!“
Но при мерцающей лампадѣ,
Ночной луной озарена,
Она твердитъ: „я влюблена!“
Сорочка съ плечь ея спадаетъ,
Она не спитъ въ слезахъ всю ночь...
Чѣмъ услужить ей, чѣмъ помочь
Старушка сонная не знаетъ
И лобъ Татьяны молодой
Кропитъ крещенскою водой.

VII.

Вотъ Ленскій къ Ларинымъ явился,
Сестра къ Владиміру бѣжитъ.
— „Одинъ!“ взоръ Тани помутился...
— „Одинъ!“ чуть слышно говоритъ.
— „А другъ вашъ?“ молвила старушка.
— „Онъ занятъ. Новая лягушка
Ему попалась и мой другъ
Ей посвящаетъ свой досугъ...
Вотъ вамъ мое стихотворенье!“
Тутъ Ленскій Ольгѣ подаетъ

Влюбленной музы новой плодъ,
А въ залѣ подано варенье
И, — чѣмъ богаты ихъ сады, —
Съ зеленой яблони плоды.

VIII.

Проходятъ дни. Нейдетъ Евгеній.
Однажды, званный на пирогъ,
Пріѣхалъ онъ, но трехъ мгновеній
Въ гостиной высидѣть не могъ.
Онъ похвалилъ пирогъ отличный
И отдалъ дань водѣ брусничной,
Хозяйкѣ бросилъ пару словъ,
Фуражку взялъ — и былъ таковъ.
Служанку, шедшую съ посудой
И съ свѣжимъ вѣникомъ въ рукахъ,
Случайно встрѣтивши въ сѣняхъ,
Назвалъ Лурлеей полногрудой,
Взглянулъ на тучи и, шажкомъ,
Домой отправился пѣшкомъ.

IX.

Прошло три дня. Проснувшись рано,
Когда еще Владиміръ спалъ,

Онъ похвалилъ пирогъ отличный,
И отдалъ дань водѣ брусничной,
Хозяйкѣ бросилъ пару словъ,
Фуражку взялъ и былъ таковъ.

Когда вдали, въ волнахъ тумана,
Денницы лучь едва блисталъ,
Онѣгинъ вышелъ въ садъ пустынный.
Побрелъ впередъ алеей длинной,
Но вдругъ, какъ листъ передъ травой.
Мальчишка съ рыжей головой
Предъ Онѣгинымъ явился:
—„Письмо къ вамъ, сударь, изъ села,"
Проговорилъ и, какъ стрѣла,
Онъ въ боковой тропинкѣ скрылся.
Онѣгинъ сталъ читать тогда
Письмо Татьяны, господа!

X.

Читалось съ трепетомъ, бывало,
Письмо Татьяны дорогой,
Но поколѣнье то увяло
Иль ужъ вступило въ гробъ ногой.
Онѣгинъ,—вѣрьте иль не вѣрьте,—
Сорвалъ облатку на конвертѣ
И, сѣвъ покойно на пенекъ,
Сказалъ сквозь зубы: — „ну, денекъ!"
И сталъ читать не безъ улыбки,
Царапалъ ногтемъ на листѣ

При каждой новой темнотѣ,
Иль грамматической ошибкѣ,
Въ письмо вставляя цѣлый рядъ
Непозволительныхъ цитатъ:

ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ КЪ ЕВГЕНІЮ ОНѢГИНУ (*).

Я къ вамъ пишу — чего же болѣ?
(Въ любви признанье!... вотъ те на!)
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Подумать, какъ смѣшна она.
(Еще бы! какъ еще смѣшна!)
Сначала я молчать хотѣла,
(Не дурно бъ было помолчать!)
Когда бъ надежду я имѣла,
Хоть разъ въ недѣлю, васъ встрѣчать,
Чтобъ только слушать ваши рѣчи...
*(Вотъ любопытная черта:
Не раскрывалъ предъ ней я рта
Отъ первой до послѣдней встрѣчи)*.

(*) Въ „Русскомъ Словѣ“ въ статьѣ „Пушкинъ и Бѣлинскій“ (1865 г. апрѣль, стран. 39—44) подробно объяснено какое впечатлѣніе должно бы произвести письмо Татьяны на *настоящаго* Онѣгина. На сколько я оставался вѣренъ новой программѣ — желающіе могутъ узнать изъ вышеприведенной статьи.

Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
(О, мой Создатель! вотъ бѣда-то?)
Я никогда-бъ не знала васъ
И, новымъ чувствомъ не объята,
Была-бъ современемъ,—какъ знать,—
(Такъ чѣмъ же я-то могъ мѣшать?
Иль понимать я сталъ все туго!..)
И превосходная супруга
И добродѣтельная мать.
(Живи, какъ знаешь, въ этомъ свѣтѣ!
Съ кѣмъ хочешь шествуй къ олтарю!..)
Но въ высшемъ суждено совѣтѣ:
Ты—мой теперь!.. *(Благодарю!)*
Я знаю, ты мнѣ посланъ богомъ,
(Вѣдь это, наконецъ, разбой!)
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой.
Ты въ снахъ ко мнѣ являлся часто,
(Да чѣмъ же я тутъ виноватъ?
Приснился вамъ я, ну и баста!—
Про всякій вздоръ не говорятъ.)
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно... Нѣтъ, это былъ не сонъ!..
(Вотъ неожиданно попался!
Вотъ вамъ Вольмаръ и Ричардсонъ!)

Не правда-ль? Я тебя слыхала,
Ты въ тишинѣ меня встрѣчалъ,
Когда я бѣднымъ помогала?
(Татьяна Дмитревна! Скандала
Такого я не ожидалъ!
Вы помогали бѣднымъ. Вѣрю,
И это дѣлаетъ вамъ честь:
Имѣйте жалость даже къ звѣрю,
Но для чегожъ неправду плесть?
Прогулокъ тайныхъ ожидая,
Не шелъ за вами никогда я
И не слѣдилъ изъ-за куста,
Вѣдь это просто клевета.)
И, въ это самое мгновенье,
Не ты-ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
Приникнулъ тихо къ изголовью?
(Нѣтъ просто мѣры пустословью:
Вѣдь я еще не Вельзевулъ,
Я ночью сплю всегда, не тѣнь я,
Я человѣкъ, а не видѣнье)
Кто ты? скорѣе дай отвѣтъ.
Кто ты? мой ангелъ-ли хранитель?
(Я вашъ, сударыня, сосѣдъ.)
Или коварный искуситель?

(Васъ искушать охоты нѣтъ)
Никто меня не понимаетъ,
(Кому понятна ерунда!)
Вообрази, я здѣсь одна,
Разсудокъ мой изнемогаетъ;
(Бездѣлье—вотъ въ чемъ вся вина.
Трудиться, барышня, вамъ ново;
Трудъ освѣжилъ-бы разумъ вашъ:
Статьи читайте Шелгунова
И позабудьте эту блажь).
Кончаю. Страшно перечесть...
(Ну, перечесть бы не мѣшало:
Въ письмѣ нелѣпостей не мало
И разныхъ глупостей—не счесть,—
И я отъ вашего припадка
Не стану таять въ уголкѣ,
Хоть сохла, можетъ быть, облатка
На воспаленномъ языкѣ).

XI.

Конецъ. — „Задать нужно гонку
За болтовню и этотъ бредъ.
Все, что простительно ребенку,
То—безобразно въ двадцать лѣтъ

И вотъ плоды отъ неразвитья!..“
Но здѣсь прерву разсказа нить я
И умолчу, какъ мой герой
Ворчалъ и дулся той порой
На праздныхъ дѣвъ, всѣхъ взятыхъ вмѣстѣ,
Какъ ноги грѣлъ у камелька,
Какъ Ленскій, вставъ съ пуховика,
Вновь разболтался о невѣстѣ,
Бульдога чорнаго ласкалъ
И дождь осенній проклиналъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Сегодня Ольги день рожденья.
— „Что-жъ изъ того?“—„Намъ нужно быть:
Вчера мнѣ дали порученье
Тебя хоть силой притащить“.
— „Помилуй, тамъ съ тоски умру я
И, у труда часы воруя,
Весь вечеръ потеряю, но...“
Онѣгинъ вспомнилъ, что давно
Татьяна ждетъ его отвѣта,
Что нужно ей прочесть урокъ...

Письма изнятаго листокъ
Въ карманъ широкаго жилета
Онъ опустилъ и, черезъ часъ,
Усѣлся съ Ленскимъ въ тарантасъ.

II.

Межъ тѣмъ, у Лариныхъ толпились
Сосѣди,—поданъ самоваръ,
На блюдахъ сласти разносились
И о рядахъ крадрильныхъ паръ
Шептались танцевъ коноводы;
Шумѣли сельскіе Немвроды,
Хваля псарей своихъ, собакъ,
И пили сладостный коньякъ.
Дѣвицъ танцующая раса
Бродила въ залѣ и ждала,
Когда въ углу изъ-за стола
Раздастся рокотъ контробаса
И закружится сонмъ дѣвицъ
Подъ скрипъ смычковъ и половицъ.

III.

Свѣжа, нарядна и румяна
Ждетъ Ольга въ гости жениха.

Одна унылая Татьяна
Сидитъ безмолвна и тиха.
Блѣдна, какъ снѣгъ подъ луннымъ свѣтомъ,
Какъ небо ночи финскимъ лѣтомъ,
И молчалива и грустна
Въ толпѣ гостей она одна;
Полна тревоги и сомнѣній
Татьяна думаетъ теперь:
Вотъ, вотъ сейчасъ отворятъ дверь,
Предъ ней очутится Евгеній...
Какъ ей взглянуть, что ей сказать,
Что будетъ ей онъ отвѣчать?...

IV.

Но, чу! вотъ слышенъ конскій топотъ
И колокольчикъ у крыльца.
„Онѣгинъ! Ленскій!...“ въ залѣ шопотъ
Летитъ.... На Танѣ нѣтъ лица
Полусознательно со стула
Приподнялась и скользнула
Она съ террасы въ тёмный садъ....
Идетъ, боясь взглянуть назадъ,
Рыданья просятся наружу
Въ груди любовь и страхъ и стыдъ,

Татьяна робкая дрожитъ...
Такъ измѣнивъ ревнивцу мужу,
Порой, несчастная жена
Трепещетъ, ужаса полна.

V.

Татьяна бѣдная страдала
И на скамьѣ межъ двухъ березъ
Она въ отчаяньи упала,
Скрывать не въ силахъ больше слезъ
И нѣтъ конца ея обѣтамъ...
— Что онъ подумаетъ объ этомъ
Письмѣ? Какой мнѣ дастъ отвѣтъ?
Ужель съ ужаснымь словомъ „нѣтъ“
Придетъ ко мнѣ мой добрый геній?...
Но вдругъ—шаги... песокъ хруститъ...
Татьяна вздрогнула, глядитъ:
Предъ ней въ саду стоялъ Евгеній
И, снявъ фуражку съ головы,
Ей говоритъ: „Здоровы-ль вы?

VI.

Ну, духота! Потъ льется градомъ...
Потомъ онъ вынулъ свой платокъ,

Стеръ потъ съ лица, сѣлъ съ Таней рядомъ
И началъ длинный монологъ
О томъ, что физикъ Маттеучи
Былъ яркимъ солнцемъ въ темной тучѣ,
Что всѣмъ намъ праотецъ—полипъ,
И что похожъ на мелкій грибъ
Acetabulum извѣстковый,
Что отъ несчастій всѣхъ народъ
Ассоціація спасетъ,
Что реалистъ закалки новой —
Иль пьянства мрачнаго поэтъ,
Иль геніальный Архимедъ.

VII.

Потолковавъ о меньшемъ братѣ,
Онѣгинъ началъ рѣчь опять:
—„Татьяна Дмитревна! я кстати
Хотѣлъ совѣтъ вамъ добрый дать.
Ко мнѣ письмо вы написали
И имъ отлично доказали,
Что вы—чувствительны, больны,
Но, но... простите... не умны.
Страсть вдругъ не можетъ появиться:
Вамъ чуждъ и я и мой языкъ

И я, ей Богу, сталъ въ тупикъ —
Какъ вы изволили влюбиться
Въ два-три визита, съ пары фразъ?
Нѣтъ, не любовь смутила васъ.

VIII.

„Когда-бъ безъ дѣла безъ занятья
Не убивали жизни вы
(Жизнь безъ труда—не могъ понять я)
Когда-бъ развитьемъ головы
Вы занялись, забывъ романы
И вѣчно блѣдный ликъ Діаны
И неба звѣзднаго лазурь
Тогда-бъ, клянусь, такая дурь
Къ вамъ не являлась въ наказанье
И я, слуга покорный вамъ,
Не зналъ, что вамъ приходитъ блажь
Писать любовныя посланья
И въ томъ другаго увѣрять,
Чего самимъ вамъ не понять

IX.

Какой вы будете женою?
Что вы за мать, скажите мнѣ,

„Когдабъ развитьемъ головы
Вы занялись, забывъ романы
И вѣчно блѣдный ликъ Діаны
И неба звѣзднаго лазурь,
Тогдабъ, клянусь, такая дурь
Къ вамъ не явилась въ наказанье.

Умѣя только предъ луною
Мечтать въ полночной тишинѣ?
Что для жены быть можетъ хуже —
Искать опоры только въ мужѣ,
Его трудиться заставлять,
Самой же плакать и вздыхать,
Краснѣть предъ дочерью и сыномъ,
Своимъ невѣжествомъ казнясь,
И постепенно падать въ грязь....
Мужъ будетъ честнымъ гражданиномъ,
Жена же—куклою нѣмой!..
Вотъ идеалъ, но онъ не мой..

X.

Я все сказалъ. Теперь довольно.
Нашъ разговоръ забыть я радъ
И вамъ отдамъ я добровольно
Письмо безумное назадъ.
Мы всѣ отъ случая зависимъ
И мой совѣтъ — подобныхъ писемъ
Вамъ не писать... Но ужъ темно,
Насъ вѣрно дома ждутъ давно,
При томъ же я проголодался,
Татьяна Дмитревна, пора...

Теперь свалилась съ плечь гора
И аппетитъ мой разыгрался.
Но я впередъ пока пойду“.
Безъ слезъ, безъ звука, какъ въ чаду

XI.

Сидѣла блѣдная Татьяна...
Увы, Татьянѣ-ль оцѣнить,
Что онъ, герой ея романа,
Не могъ иначе поступить?
Пѣвцомъ Онѣгинъ оклеветанъ:
Могъ только дать такой отвѣтъ онъ,
Татьянѣ, барышнѣ простой.
О, мой читатель! Удостой
Вниманьемъ новаго героя
И, размышляя, оцѣни,
Что такъ поступитъ въ наши дни
Онѣгинъ лучшаго покроя,
Онѣгинъ, сшитый на показъ
Однимъ изъ критиковъ для насъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Что за романъ, гдѣ нѣтъ дуэли?
Я описать, конечно-бъ, могъ,
Какъ, прислонясь къ высокой ели,
Онѣгинъ, щелкнувъ, взвелъ курокъ,
Какъ пулю вбилъ онъ въ стволъ граненый,
Раздался выстрѣлъ и сраженный
Своимъ пріятелемъ, поэтъ
Упалъ, роняя пистолетъ.
Я могъ съ эффектомъ несомнѣннымъ
Сложить про бой пять новыхъ строфъ,

Но *мой* Онѣгинъ не таковъ:
Онъ съ хладнокровьемъ неизмѣннымъ,
Не посмотрѣвши на запретъ,
Вошелъ бы въ чумный лазаретъ.

II.

Гдѣ рядъ больныхъ почти ужъ вымеръ;
Но могъ сказать: „вы глупы, сэръ", —
Когда-бъ задумалъ вдругъ Владиміръ
Его поставить на барьеръ.
На эпиграмму въ шумномъ спорѣ
Онъ эпиграммы сыпалъ вскорѣ,
Но на барьеръ, — таковъ принципъ, —
Его поставить не могли бъ,
И въ крайнемъ случаѣ скандала,
Въ толпѣ обиженныхъ глупцовъ
Онѣгинъ мой въ концѣ концовъ
Прибѣгнулъ къ помощи шандала,
Къ обломку стула, кочерги
И — горе вамъ тогда, враги!...

III.

Герой мой смѣлъ былъ, какъ Якушкинъ,
Но всѣ дуэли отвергалъ....

Да, Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
Его совсѣмъ оклеветалъ.
Забывши Лариной истому,
Не ссорясь съ Ленскимъ по пустому
И у него взявъ до зимы
Четыре красненькихъ взаймы,
Онѣгинъ снова въ путь пустился....
Теперь пропустимъ лишній годъ,
Пропустимъ цѣлый эпизодъ,
Какъ Ленскій сватался, женился,
И какъ Татьяну изъ села
Въ Москву мамаша увезла.

IV.

Какъ подъ вліяньемъ страсти нѣжной
Не шла Татьяна подъ вѣнецъ
И въ бракъ законный, неизбѣжный
Она вступила наконецъ...
Мы сократимъ свою дорогу,
Приступимъ прямо къ эпилогу.
И такъ, однажды на полкѣ,
Съ мочалкой взмыленной въ рукѣ,
Лежалъ Онѣгинъ въ невской банѣ
И по привычкѣ разсуждалъ

Съ своимъ знакомымъ: —„Не бывалъ
Я въ вашемъ клубѣ. Россіяне
Приличнѣй дѣла не найдутъ:
Лото и танцы—вотъ ихъ трудъ.

V.

„Вы въ клубъ отсюда?“—Въ Молодцовскій...
Вы не хотите-ль заглянуть? —
— „По мнѣ такъ въ банѣ Туляковской
Гораздо лучше отдохнуть“.
— Тамъ нынче чтенье, съѣздъ не малый...
Разъ можно съѣздить.—„Чтожъ, пожалуй,
На полчаса я заверну...
Ей другъ-любезный, баньщикъ! Ну
Теперь на каменку поддай-ка...
Еще, еще, вотъ такъ.... вотъ такъ...
Пусть буду красенъ я, какъ ракъ,
Иль какъ Филиповская сайка...
Всѣхъ европейцевъ переросъ
Придумавъ бани, мудрый Россъ....

VI.

„Ну въ клубъ теперь...“ Былъ клубъ ужъ полонъ
Онѣгинъ хмурясь, входитъ въ залъ,

„Вы въ клубъ отсюда?“—Въ Молодцовскій
Вы не хотитель заглянуть?—
— „По мнѣ такъ въ банѣ Туляковской
Гораздо лучше отдохнуть.“

Толпу мущинъ, „прекрасный полъ“ онъ
Въ блестящей залѣ увидалъ.
Пестрѣли шлейфы, панталоны,
Наколки, ленты и шиньоны,
Чепцы, мантильи, парики...
Мелькали дѣти, старики
И капитальныя невѣсты.
Онѣ на всѣхъ смотрѣли такъ:
Съ тобой тогда вступлю я въ бракъ,
Когда получишь въ жизни вѣсъ ты,
И крупный чинъ, и важный постъ,
И капиталъ положишь въ ростъ.

VII.

Тамъ были ветхіе калѣки
Въ дыму у ломберныхъ столовъ,
Тамъ были невскіе ацтеки —
Опора танцевъ и баловъ;
Неповоротливы и скромны
Тамъ были дѣвы изъ Коломны
И съ Петербургской стороны
Въ четыре фута вышины.
Съ ртомъ на подобье цѣлой арки,
Тамъ былъ какой-то фотографъ,

Какой-то князь, какой-то графъ,
Тамъ былъ даришій всѣмъ сигарки
Съ старинной мягкостью манеръ
Сѣдой какъ лунь, акціонеръ.

VIII.

Тамъ былъ и крошечный писатель,
Живущій геніемъ пера
Хромой какъ Байронъ и каратель
Жильцовъ Апраксина двора.
Тамъ былъ одинъ болтунъ столичный
Отличный франтъ, танцоръ отличный,
Собой плѣнявшій клубныхъ дамъ,
Тамъ былъ на этотъ разъ я самъ,
Тамъ былъ Онѣгинъ... не безъ злости
Слѣдилъ какъ клуба игроки
Не безъ дрожанія руки
Вокругъ столовъ мѣняли кости,
Сердясь на цѣлый міръ за то,
Что разоряетъ ихъ лото.

IX.

Надъ игроками дымъ табачный
Волнами въ комнатѣ ходилъ

И за игрой Онѣгинъ мрачный
Въ тотъ часъ разсѣянно слѣдилъ.
Вдругъ у меня спросилъ онъ прямо:
— „Скажите мнѣ, кто эта дама
Играетъ въ домино-лото?“
— Ее не знаетъ здѣсь никто.
— „Ужель она?... Да это право,
Татьяна Ларина... ей-ей!...“
Идетъ Онѣгинъ прямо къ ней
Подходитъ ближе и лукаво
Глядитъ на даму нашъ герой.
Но занята своей игрой,

X.

Татьяна глазъ не поднимала.
Съ волненьемъ блѣднаго лица
Она свой проигрышъ считала...
Она,—о плачте безъ конца
Пѣвцы любви и юныхъ грацій! —
Слѣдя за кучей ассигнацій,
Она какъ страстный банкометъ,
Готова ночи на пролетъ
Сидѣть въ дыму сигаръ и трубокъ
И все играть, играть, играть...

Счетъ деньгамъ можетъ лишь слетать
Теперь съ ея прекрасныхъ губокъ....
Вдругъ Таня вздрогнула, глядитъ:
Онѣгинъ рядомъ съ ней стоитъ.

XI.

Друзья не въ клубѣ, у буфета,
Гдѣ вы бывали, можетъ быть,
Но въ будуарѣ съ книжкой Фета
Я могъ Татьяну посадить,
Могъ говорить ее заставить:
„Я васъ люблю,—къ чему лукавить!
Но я другому отдана....
За тѣмъ бы вѣрная жена,
Смягчая гордость увлеченьемъ,
Герою проповѣдь прочла
И для финала бы дала
Мораль съ эффектнымъ заключеньемъ;
Но для финала я избралъ
Не безъ причины клубный залъ.

XII.

Романъ любви, романъ старинный
Съ луной, съ безмолвнымъ tete-a-tete

Въ тѣни вѣтвей въ аллеѣ длинной
Не въ нашихъ нравахъ. Какъ поэтъ
На поэтической эпохи,
Я слышалъ дамъ столичныхъ вздохи
Лишь у игорнаго стола,
Гдѣ только стуколка могла
Все ихъ лицо разжечь румянцемъ.
Досуги ихъ идутъ на то:
Отъ танцевъ — отдыхъ за лото
И карты — добавленье къ танцамъ;
Съ ихъ устъ слетаетъ не „люблю",
Но „пасъ" „стучу" или „куплю"...

XIII.

На каждый вѣкъ — свои игрушки.
Къ намъ не вернется вѣкъ вашъ вновь,
Сентиментальныя старушки!
Играли бабушки — „*въ любовь*",
Играютъ „*въ стуколку*" ихъ внучки...
И тѣ и эти—бѣлоручки,
Имъ надо чѣмъ нибудь играть,
Но если станемъ выбирать,
То я, какъ истый пролетарій,
Въ обиду бабушекъ не дамъ...

Избавь насъ Богъ отъ новыхъ дамъ,
Когда онѣ нашъ гонорарій,
На зло всѣмъ толкамъ и рѣчамъ,
Мотаютъ въ клубахъ по ночамъ.

XIV.

Кто-жъ удивится, что Татьяну
Онѣгинъ въ клубѣ повстрѣчалъ?
Она встаетъ, идетъ къ дивану
И въ этой дамѣ не узналъ
Евгеній прежней дѣвы томной,
Пугливой, влюбчивой и скромной.
— „Евгеній Павлычъ! Bon soir!.,
Пойдемте! здѣсь ужасный жаръ....
Я рада вамъ... Извѣстно вамъ ужъ, —
Вамъ Ленскій вѣрно разсказалъ —
Что вышла замужъ я?“—„Не зналъ!“
—„Да ужъ полгода вышла замужъ...“
— „И счастливы?“—„Какъ вамъ сказать!..
Мой мужъ не хочетъ мнѣ мѣшать —

XV.

„Ни въ чемъ. Привыкла здѣсь играть я
Въ лото и ѣзжу иногда...“

И въ этой дамѣ не узналъ,
Евгеній прежней дѣвы томной,
Пугливой, влюбчивой и скромной.
— Евгеній Павлычъ! Bon soir!...
Пойдемте! здѣсь ужасный жаръ....
Я рада вамъ.....

— „Наша отличное занятье!“
— „Въ игрѣ нѣтъ счастья—вотъ бѣда!“
— „Ну есть за то очагъ семейный...“
— „Да, кстати: домъ нашъ—на Литейной:
По четвергамъ у насъ игра
Бываетъ съ самаго утра.
Я жду васъ... Право не замѣтимъ
Какъ день промчится за игрой...“
— „Я ѣзжу къ женщинамъ, порой,
Но только право не за этимъ,
Скажу, какъ Чацкій...“— „Пустяки!
Мы васъ запишемъ въ игроки.

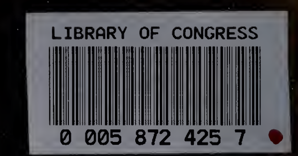
XVI.

„А вотъ мой мужъ идетъ...“ Подходитъ
Старикъ походкой вялой къ нимъ
И важно рѣчь о томъ заводитъ,
Что Пальмерстонъ незамѣнимъ,
Что молодежь бѣжитъ отъ службы,
Что это—странно: почему жъ бы
Ей видныхъ мѣстъ не занимать
И награжденья получать....
— „Все это вздоръ.“—„Такъ что же васъ-то
Такъ занимаетъ, господа?“

— „У насъ не мало есть труда:
Мы отрицаемъ все—и баста.“
Мужъ что-то подъ носъ промычалъ
И за женой поплелся въ залъ.

XVII.

Пора! Кончая дѣло это,
Прошу прощенья у славянъ
И у славянскаго поэта:
Хоть я классическій романъ
Подвергъ цинической повѣркѣ,
Перекроилъ по новой мѣркѣ
И перешилъ на новой ладъ,—
Но я ли въ этомъ виноватъ,
Что искаженіе романа
(Я долженъ руки здѣсь умыть)
Для всѣхъ насъ можетъ только быть
Подобьемъ Тришкина кафтана,
И что былъ выкроенъ герой
На Благосвѣтловскій покрой?...

LIBRARY OF CONGRESS
0 005 872 425 7